

Все это заставляет нас предположить ошибочность нашей исходной посылки о включении *geilt* в класс оценочных идентифицирующих существительных и допустить возможность некоей иной трактовки его семантики. Иными словами, за понятием *geilt* стоит некая конкретная социо-историческая реалья, отражающая не окказиональное аномальное явление, а узуальное временное или постоянное, воспринимаемое обществом как естественное — аутсайдерство одного или нескольких его членов. Индивидуальное или коллективное аутсайдерство как социальный институт встречается в истории в разных формах довольно часто и является, как правило, вынужденным, вызванным причинами юридического или медицинского (прокаженные и проч.) характера. Аутсайдерство же добровольное как правило, индивидуально и вызвано причинами, в той или иной форме связанными со сферой религии: уже упоминаемая нами инициальная практика, с одной стороны, и институт отшельничества в широком смысле — с другой. Однако, как отмечает П. Генри [16, р. 199], термин *geilt* не встречается, как можно было бы ожидать, в ирландских законах, подробно и детализированно описывающих разные типы аутсайдеров — *dásachtach*, *fulla* 'сумасшедший', *foind ledach* 'бродяга', *oínmit* 'изгнанник', *airfhosgach* 'проклятый', *deogaid Dé* 'отшельник' и проч. Это заставляет нас предположить, что описываемое явление носит не столько социоправовой, сколько культурно-мифологический характер.

Сопоставление предания о Суибне с «Жизнью Мерлина» заставляет нас предположить, что мотив ужаса, охватившего Суибне во время битвы, является вторичным, так как в легенде о Мерлине герой теряет рассудок не от ужаса, а от горя при мысли о гибели товарищей. Кстати, и сам Суибне в отличие от его фольклорных подобий теряет рассудок не столько от страха как такового, сколько от потрясения при виде открывшегося ему на небе знамения. Отсутствует мотив ужаса и в предании об Исролане Ученом, или Исролане Скотте, сохранившемся в виде валлийской поэмы: ее герой в полубезумном состоянии скитается по берегу моря, раскаиваясь в совершенных им прегрешениях (он сжег церковь, убил монастырских коров и бросил в озеро Библию). Так мотивация безумия / дикости наказанием сменяется мотивацией его внутренним раскаянием при тождественности внешних атрибутов. Аналогичный сюжет мы находим и в британской легенде о Лайлокене, сохранившейся в двух латинских версиях: ее герой во время битвы видит раскрывшиеся небеса и слышит голос, возвещающий ему, что отныне за свои грехи он будет проклят и обречен на потерю рассудка и жизнь в лесу среди зверей.

Таким образом, в контексте предания о Суибне и других подобных ему легенд мы можем допустить наличие у лексемы *geilt* значения 'отшельник, добровольно удалившийся в лес для искупления грехов', что, как кажется, подкрепляется, с одной стороны, особенностями синтаксической сочетаемости лексемы и, с другой — наличием в легенде такого персонажа, как отшельник Моллинг, в «Жизни Мерлина» аналогов не имеющего и, по предположению Карни, появившегося уже в Ирландии в результате переосмысления и десакрализации центрального персонажа: часть его функций переходит на другое, вводимое дополнительно лицо [7, р. 129].

Таким образом, за понятием *geilt* стоит целый сложный поведенческий комплекс, в котором каждая интерпретирующая его культура видела, как правило, лишь один, главный, с ее точки зрения, элемент, определяющий и само последующее значение лексемы. Так, в легенде о Суибне *geilt* это тот, кто: оскорбляет святого; бежит с поля битвы, от ужаса потеряв рассудок; скитается в лесах, как зверь; обрастает перьями и получает способность летать; испытывает раскаяние, внутренне перерождается; получает поэтический и пророческий дар; искупает свой грех, погибая от руки другого.

Как отмечает П. Генри в уже цитированной нами работе, весь этот сложный поведенческий комплекс получил в интерпретации английской